

СВЕТЛАНА
НАРВАТОВА

ЗАЧЁТ ПО
ТВАРЕЗНАНИЮ

Светлана Нарватова

Зачет по тварезнанию

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67572479

Аннотация

Я всё продумала, всё просчитала, меня ждет блестящее будущее и экспедиция с самым завидным женихом столичного университета. Разве что-то может пойти не так?

Оказывается, может. Оказывается, пойти не так может что угодно и куда угодно, если в дело вмешивается лучший студент выпускного курса боевых магов Кейрат Торнсен, который никак не может получить у меня зачет по тварезнанию.

Содержание

1. Кей	4
2. Лайна	7
3. Лайна	12
4. Лайна	16
5. Лайна	22
6. Лайна	27
7. Лайна	32
8. Кей	41
9. Лайна	46
10. Лайна	52
11. Лайна	57
12. Кей	65
13. Лайна	72
14. Лайна	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Светлана Нарватова

Зачет по тварезнанию

1. Кей

Год назад

Она ворвалась в мою жизнь, как ураган. Как снежная лавина, что сносит со склонов всё живое и неживое. Когда смотришь издалека, кажется, что она медленно ползёт по склону. Но не дай Дайна оказаться у нее на пути. Ты понимаешь, что всё. Белый гремящий ужас сейчас поглотит тебя. Но ты просто стоишь и смотришь. Потому что от тебя уже ничего не зависит.

Вот и я так.

Стояло жаркое лето. Последний экзамен остался позади, и я гордо нёс корону лучшего студента четвертого – уже пятого, предвыпускного, – курса боевых магов. Я даже не вспомню, что мы обсуждали с парнями. Наверное, что-то очень важное, как мне тогда казалось. Я помню только, что развернулся с каким-то широким жестом и мне в бок впился уголок фолианта. Фолиант несла хрупкая темноволосая девушка с короткой, по последней столичной моде, стрижкой. Брюнетка его не только несла, но и читала. Прямо на ходу.

– Ой! – сказал я.

– Смотреть нужно, куда идёте! – буркнула девица, не отрывая взгляда от книги.

Я просто оторопел.

– Не путайтесь под ногами! – недовольно заявила она где-то с уровня моей груди и подняла взгляд. Невидящий взгляд человека, слишком поглощённого своими мыслями, чтобы обращать внимание на окружающих.

У нее были огромные карие глаза с длинными ресницами, маленький аккуратный носик и пухлые черешневые губы. Легкое платье облегало соблазнительные холмики груди и тонкую талию.

Вокруг одуряюще пахло медовником. Этот аромат врезался мне в память. С тех пор я ненавижу запах медовника. Хотя трава, в общем-то, не виновата.

Однокурсники ржали.

Я бы тоже посмеялся. Если бы мог перестать на нее пялиться. Неделю брюнетка с карими глазами мерещилась мне повсюду. Неделю она мне снилась каждую ночь. Потом у нас началась практика в действующих войсках, и на какое-то время мне стало не до неё. Скажем так: я ухахивался до такой степени, что засыпал, стоило голове коснуться горизонтальной поверхности, и просто не помнил, снилось мне что-нибудь или нет.

Острый период прошёл, и после практики на душе осталось только неясное, саднящее чувство чего-то потерянного.

А потом пришёл новый учебный год, и нам представили нового преподавателя по тварезнанию.

Ее звали Джелайна Хольм.

Она провела невидящим взглядом по нашим рядам, и все сразу вспомнили, что они боевые маги, а не мешки с картошкой.

Вот тогда я и понял: всё.

Всё, мир уже никогда не будет таким, как прежде.

А я всё еще не придумал, как с этим жить.

2. Лайна

Настоящее время, в кабинете ректора Военно- Магической Академии Дьюи

Леонóр лей Гамэс, ректор академии, был не в духе. Я тоже была не в духе. Впрочем, выражение «не в духе» не описывало и десятой части всего спектра эмоций, которые я испытывала. И их накала.

Целый год – год! – я вкалывала, пахала на ниве науки, как последняя лошадь, чтобы поехать в эту экспедицию. Да я в эту академию, чтоб ее огнеплой затоптал, согласилась пойти только ради этого. Сам Сафониэль лей Гроссо, великий и прекрасный заведующий кафедрой магической защиты столичного университета, согласился принять меня в проект и стать моим руководителем магистерской диссертации. Через два часа я должна была отправиться телепортом в столицу, откуда завтра утром стартует экспедиция в Южные горы.

И что?

И ничего!

И ничего не будет из-за, воплежуть его забодай, Кейрата Торнсена!

Я стояла здесь, в кабинете ректора, вместо того чтобы со-

бирать вещички из съёмной квартиры. Мало он мне крови попортил за учебный год, он мне теперь и перспективы на будущее решил загубить!

– Нет! – решительно заявила я. – Нет, я не поставлю этому... этому... студенту зачёт по тварезнанию! Он за два семестра был на занятиях раз пять от силы.

– Семь, – поправил меня лей Гамэс.

– Из семидесяти двух, – напомнила ему я.

Он как-то сразу сдулся.

– Кейрат – самый сильный боевой маг потока! – по новой начал заводиться ректор. – Я не могу его отчислить из-за какого-то *зачёта*.

– Я тоже считаю, что тварезнание у боевиков заслуживает экзамена хотя бы в одном из семестров! – влезла я со своим любимым коньком. – И кому, как не вам, об этом знать, – я неприлично ткнула пальцем собеседнику в лицо.

Левая щека лея Ленора до самого подбородка была прорезана безобразным шрамом от удара мечеклыка. Шрама, несводимого ни одним притиранием, ни одним лечебным заклинанием. Не помогало в таком случае даже вмешательство оперирующих врачей.

Но лей Гамэс мое замечание проигнорировал.

– Приглашайте его на индивидуальные консультации, лея Джелайна, – он бросил в меня слова, а в урну – измятую до состояния шарика бумажку. – Вы должны находить индивидуальный подход к обучающимся.

На счет «лей» он мне, конечно, польстил. Благородной крови во мне не было ни капли, в отличие от лея ректора. Мы – люди простые, что думаем, то и говорим.

– Я уважаю политику межкультурной толерантности и уважения к малым народам Империи, – отметила на всякий случай я. – Но Кейрат Торнсен... Он же, прошу прощения, двух слов связать не может. Он, простите, вчера с гор спустился, где овец пас, ни манер, ни здравомыслия. Это же двухметровая машина убийства без чувства самосохранения. Его нельзя к нормальным людям пускать!

– Торнсен принёс Академии золотой кубок на Императорском турнире! – отчеканил ректор.

– Знаю, я его туда возила. Потому и представляю, во что он превращается на поле боя.

– Потому и возили, – буркнул под нос лей Леонор.

– Что? – не уловила я смысла в его словах.

– Потому и возили, – в полный голос повторил ректор, – что после ваших пар он полигон под ноль выжигал.

– Вы и это мне в вину поставите?

– Нет, благодаря вашей совместной работе у нас золотой кубок. Ведь можете, когда хотите!

– Не хочу!

– Эта: «Не хочу!» Тот: «Не хочу!» Вы сговорились, что ли?! – взвыл лей Леонор. – Он блестяще учится. Он термаг на 100 баллов сдал, а вы говорите, он двух слов связать не может, – ректор в раздражении бросил взгляд в открытое окно.

Ну хоть не у меня одной сегодня день мелкозубу под хвост. Словно чувствуя, что о нём тут говорят, по полянке под ректорскими окнами, повесив голову, плёлся студент выпускного курса Торнсен.

Точнее, он мог бы стать студентом выпускного курса, если бы я поставила ему зачёт.

А я не поставлю!

– Я не знаю, и знать не желаю, как он сдавал термаг.

Лично я термаг сдала на девяносто пять, и то – со второго раза. Поэтому не нужно мне рассказывать про сто баллов по термагу у Кейрата Торнсена из западных горцев. Я даже не уверена, что он в состоянии прочитать вопросы задания.

– То есть «нет», и это ваш последний ответ? – строго спросил лей Леонор.

Я кивнула головой, чтобы меня не поймали на слове, если я произнесу «Да». И, на всякий случай, чтобы пояснить и окончательно запутать начальство, помотала головой.

– Тогда, лея Джелайна, так. Вы планировали отправиться завтра в экспедицию?

Я, кажется, побледнела, и ощутила, как по моей спине потекла струйка холодного пота. Нет, он не посмеет меня не пустить! Это Императорский проект. Состав экспедиции утверждён на самом высоком уровне!

– Не пустить вас я не могу, – подтвердил мои подозрения ректор. – Но, согласно Уставу Академии, параграф восемь, пункт три, могу отправить с вами студента-практиканта.

Он мстительно уставился на меня.

Ха!

Да Сафониэлю он на один зуб! Лей Гроссо кого угодно может довести до белого каления. Во мне даже проснулась неуместная жалость к мальчишке.

Но потом я вспомнила про семь из семидесяти двух.

– Ну если вы настолько не дорожите своим лучшим боевиком... – намекнула я. – К тому же он всё равно не успеет собраться менее чем за два часа.

– А ему и не нужно, – внезапно расслабившись, заявил лей Гамэс. – Вы отправитесь телепортом завтра, прямо на место. Надеюсь, вы не слишком соскучились по столице?

– Я там отучилась шесть лет, – я растянула губы в восторженную улыбку. – Разумеется, нет.

– Вот и превосходно. По поводу вашей задержки лей Гроссо я предупрежу.

3. Лайна

Фойе главного корпуса Военно-Магической Академии Дьюи

Очень хотелось хлопнуть дверью напоследок. Очень. Но я сдержалась. Благородной крови во мне не было от слов «ни капли», но манеры в пансионе, куда родители отправили меня учиться за счёт казны, мне всё же привили. Я была из «спонтанных», – обычных деревенских девчонок («спонтанных» мальчиков история не знала), в которых вдруг вспыхивала магическая сила. Никто не мог дать объяснение этому. Однако факт: «спонтанные» девочки всегда становились мощными и устойчивыми магами, в отличие от представителей поизносившихся древних родов. Всех девочек, проявивших магию, отправляли учиться. Если оставить «спонтанную» без присмотра, она станет ведьмой.

Впрочем, год без секса, и любая магиня станет ведьмой.

Уважаемый лей Гамэс не только лишил меня сегодняшней ночи с Сафониэлем, так ещё и последующих, в экспедиции. Потому что нет никого болтливее, чем студенты. И лишь две вещи в мире распространяются в мгновение ока: пожар от огнеплюя и слухи по военно-магической академии.

Теперь мне захотелось не только хлопнуть дверью, но и пнуть ее. Вернуться и пнуть.

И тут я увидела *его*. Причину моих сегодняшних бед и источник раздражения в течение года.

Он стоял у окна, мрачно уставившись на фляжку в руках. Опохмелялся, что ли? Если бы во фляге у него оказался алкогольный напиток, то его бы просто отчислили, разом решив все мои проблемы. Но вряд ли он доставит мне такую радость.

Кейрат Торнсен был высок. Даже на фоне остальных, не хилых, в общем-то, сокурсников – боевых магов. Помимо роста он выделялся экзотической внешностью. Имперцы преимущественно были, как я: смуглые, темноволосые и с карими глазами. Западные горцы больше походили на жителей соседнего Волейского Королевства – синеглазые блондины. Черты его лица были грубоваты, словно ещё не до конца притёрлись друг к другу. Огромные глаза, резкие скулы, крупноватый рот. И сам он был какой-то нескладный, что ли. Словно никак не мог понять, что ему делать с доставшимся от природы организмом. Хотя я видела его в учебном сражении на Императорской турнире. Там он со своим телом управлялся великолепно.

Не знаю, чем я ему не угодила. На первом же занятии я поймала на себе этот ледяной – и леденящий, словно приклеившийся ко мне, – взгляд. Первую пару я выдержала, на второй мое терпение растаяло, как плащекрыл в ночном небе, и я попросила Торнсена задержаться на перемене. На прямой вопрос, в чём проблема: может, моя одежда нарушает

его религиозные воззрения, может, причёску поправить или парфюм поменять, я не получила никакого ответа. Вообще никакого. Представляете: нависает над тобой такая громадина двухметровая, пялится на тебя прозрачно-голубыми глазами... и молчит. Б-р-р-р!

Сначала он хоть на лекции ходил. А потом вообще пропал. Здорово, да?

– Студент Торнсен, – обратилась я к нему.

Парень вскинул голову. Если можно так сказать. Если честно, уровень моей головы и его фляги не сильно различались. Блондин, как обычно, молча уставился на меня своими льдистыми гляделками.

– Кейрат Торнсен, по решению ректората, с целью ликвидации задолженности по дисциплине «Тварезнание», вы прикрепляетесь ко мне в качестве практиканта на время исследовательской экспедиции в Южные горы.

На лице горца отразились какие-то эмоции. Интерпретировать я их не смогла. Я в тварях разбираюсь. А в горах – нет.

– И что я там буду делать? – откашлявшись, спросил он неожиданно глубоким и слегка хрипловатым голосом.

– Свой долг отрабатывать, – уведомила я. – Натурой. В общем, в экспедиции я планирую вас использовать как мужчину.

Стук фляги о пол разнообразил повисшую тишину. Быстрое сканирование жидкости, разлившейся по полу, сообще-

ло мне, что это обычная вода. Не повезло. Я подняла взгляд.

Может и неплохо, что я не умею читать эмоции горцев. Потому что выражение лица Торнсена было хоть и по-прежнему нечитаемым, но совершенно точно убийственным.

– Ну там, тяжести носить, дрова рубить, рыбу ловить, тесто месить... – продолжила я, но взглянув на его напряжённые пальцы, явственно ощутила, как они смыкаются у меня на шее. – Ладно, тесто можете не месить, – согласилась я из чувства самосохранения.

В экспедиции будет Сафониэль. Он за меня отомстит. И от себя ещё добавит.

– Мы с вами отправляемся телепортом. Завтра на рассвете. Но если вы по каким-то причинам не можете... – я дала ему последний шанс.

– Я могу, – мгновенно отреагировал он.

– Тогда получите в учебной части направление, у казначея суточные, подпишите у завхоза документы на экспедиционное оборудование и инвентарь, получите их на складе, и, – я подняла взгляд на хронометр, что висел в холле, – через час жду вас на кафедре.

– Я буду, – пообещал студент.

Хе-хе. Попробуй, голубчик, попробуй. Целый год ко мне на лекции не мог прийти. Теперь побегай.

4. Лайна

Кафедра магической защиты Военно- Магической Академии Дьюи

Здание Военно-Магической Академии было старинным. С тяжёлыми, толстыми стенами и узкими окошками-бойницами. Древняя крепость. Мне нравился этот дух воинской доблести, который осел на выцветших гобеленах. Хотя, честно говоря, я не мечтала сюда ехать. У меня, как у лучшей и весьма перспективной выпускницы по направлению «Маг обороны и прикрытия» да еще и с такой редкой специализацией как «Твареведение», был выбор, куда пойти. Но я, разумеется, хотела остаться в родном столичном университете.

Только таких желающих, как я, туда была целая очередь. А у меня никаких связей. Кроме сексуальной с потрясающе красивым заведующим кафедрой магической защиты. Сафониэль лей Гроссо с точёными чертами лица, волосами до пояса и грацией истинного аристократа был для студенток как красная тряпка для круторога. Только круторог при виде красной тряпки впадал в восторг и начинал биться в экстазе, а девушки просто впадали в восторг. Впрочем, некоторые даже падали.

Потрясающе тонкий и вдохновенный Сафониэль был сто-процентным эгоистом. Впрочем, это не мешало ему быть отличным любовником. Как это ему удавалось? Он просто любил быть лучшим. Идеальным. Совершенным. Его абсолютно устраивали наши необременительные отношения. Думаю, я у него была не одна. Зато дольше, чем большинство.

Кто-то скажет, что для своих двадцати пяти я слишком рациональна. И даже цинична. Пусть говорят. Наивность и романтичность могут позволить себе те, у кого есть деньги и положение. А у меня ничего нет. Только магия, интеллект и умение работать. И желание стать такой, как Сафониэль, чтобы на всех плевать с самой высокой башни Империи.

Собственно, Дьюи – его идея. Для того чтобы меня взяли работать в Имперский университет, мне нужно засветиться. Стать величиной, которая окажется весомее десяти поколений благородных предков. Когда два года назад университет получил целевое финансирование на исследование по тварям, Сафониэль сразу предложил мне поучаствовать. И я согласилась. Весь последний курс я вкалывала, как проклятая, зато мой диплом получил Премию Императора. Почему тогда приграничный Дьюи, гордо именуемый Главным Форпостом Империи, а по сути – заштатная провинция? Потому что в Дьюи самая старая военная академия. Суть Императорского проекта заключалась в том, чтобы найти способы управлять тварями. Заставить их сражаться на нашей стороне. А здесь, в Дьюи, хранятся архивы студенческих бо-

евых практик за последние триста лет. А отчёты о практике – это, пожалуй, самый достоверный источник информации. Вот ради возможности работать с ним я и приехала. А теперь я планировала вернуться к своему научному руководителю (и любовнику по совместительству) и обсудить результаты поисков. Теперь вы понимаете, насколько дорог мне был Кейрат Торнсен со своей внезапно обрушившейся практикой?

Когда я добралась до своего рабочего места, на кафедре уже никого не было. Те, кто ещё не был в отпуске и принимал хвосты от студентов, уже рассосались по домам. После разговора с ректором чувствовала себя выжатой, как фрукт, на который наступил громохлест. Поэтому я достала из кафедрального тайника бутылочку тонизирующего сока, по-плебейски, пока никто не видит, плеснула себе в кружку (а не в бокал, как сделал бы любой уважающий аристократ), разулась и забралась в кресло возле стационарного переговорного кристалла.

Я послала сигнал лею Гроссо и стала ждать. К счастью, он оказался дома.

– Ты где? – недовольно спросил он.

– Где, где. У горбокрыла на бороде! – буркнула я, обводя рукой тёмное помещение кафедры.

За моей спиной размещался старинный гобелен, изображающий битву воина-мага с громохлестом смердливым, которого в народе за выхлопы едкого газа из подхвостья име-

новали более просторечным словом. Думаю, на его фоне и с кружкой в руках я выглядела эпично.

– Кто такой Кейрат Торнсен? – вкрадчиво поинтересовался Сафониэль.

Я не рассчитывала на какие бы то ни было чувства со стороны блестящего аристократа, но собственнические нотки, которые сквозили в его вопросе, согрели мне душу.

– Ректор мне довесок в экспедицию назначил. Студента-должника.

– Чьего должника? – удивление на лице Сафониэля выглядело неуместным. Впрочем, на его холёном лице любые эмоции выглядели неуместно.

– Моего должника.

– И что он тебе должен? – не понял лей Гроссо.

– Это я ему должна, – пояснила я. – Зачёт.

– Ну так поставь! Лайна, что за глупости!

Теперь и мне показалось, что глупости. Действительно, что упёрлась? Ну и поставила бы. Дала бы реферат и поставила.

– Теперь уже поздно, – расстроилась я.

– Ну и к чёрту документы. Я тебя сегодня ждал.

Это значит, других любовниц в гости не звал. Я же взрослая девочка, понимаю, что в отличие от меня, необходимости выдерживать целибат у Сафониэля не было.

...А вдруг он и правда ко мне что-то испытывает?

– Прости. Я виновата, – призналась я. – Просто это так

неожиданно оказалось. Я про него и думать забыла, а тут меня вызывают к ректору... И понеслось.

– А ему он чем запал? – допытывался мой научный руководитель. И не только.

– Торнсен – победитель Турнира этого года.

– И ты ему не поставила зачёт?!

Неожиданно я завелась. Хочу – ставлю, хочу – не ставлю!

– В любом случае, все документы оформлены, – холодно ответила я. – Координаты мне продиктуй.

Он продиктовал. Я записала.

– Когда ты прибудешь?

– Лей Гамэс расщедрился на прямой телепорт. Планирую завтра часам к десяти – одиннадцати.

Телепорты по координатам отличались некоторой степенью неточности. Поэтому ко времени отправки я добавила часик-другой на то, чтобы компенсировать эту неточность ножками.

– Я буду ждать.

– Я тоже, – согласилась я. – До завтра?

– До завтра.

Гроссо отключился.

Я забралась поглубже в кресло и глотнула сока.

Слева послышалось какое-то шебуршание.

Я повернулась.

В дверях возвышался Кейрат Торнсен собственной персоной. Интересно, как давно он там стоит и как много слышал?

Впрочем, не всё ли равно? По большому счету, так даже легче. Не нужно будет в экспедиции что-то сочинять.

– Вы успели всё оформить? – строго спросила я.

– Так точно! – по-боевому вытянулся студент, став еще выше.

Я досадливо сморщилась.

– Студент Торнсен, отнесите координаты завтрашнего отправления дежурному магу-порталисту, – я протянула листочек.

Торнсен подошёл ко мне и взял протянутый лист. Он мельком глянул на координаты.

– Так точно! – отрапортовал Торнсен так, что у меня уши заложило.

– Идите уже, – я махнула рукой в сторону двери.

Он ушёл, я осталась. Наслаждаться тишиной, вынужденным бездельем и видом старинных гобеленов.

5. Лайна

Портальный зал кафедры пространственной магии Военно- Магической Академии Дьюи

Кафедра пространственной магии была в Дьюи, но отсутствовала в столице. Предания утверждают, что когда-то она там была. Но в Императорском дворце устали от неизвестно откуда появляющихся и куда-то исчезающих предметов, животных и людей. В университетской среде ходили байки, что однажды студента третьего курса не вовремя занесло в Императорскую опочивальню... Это окончательно решило судьбу пространственников в столице.

Здесь, в Дьюи, народ был к чудесам привычный и прагматичный. Внезапно объявившиеся предметы мгновенно находили новых хозяев. Животину студенты-экспериментаторы тоже обычно не находили. И даже возникающим из ниоткуда студентам, говорят, местные дамы находили применение. Особенно, если они (студенты) были симпатичными. Но это так, слухи. Лично ко мне за время работы в Академии в опочивальню никого не заносило. А то даже не знаю... удержалась ли бы?

Я прибыла за час до активации рамки. Нужно было убе-

диться, что мальчишка взял всё, что нужно. А его всё не было. Я нервно притоптывала у порталной рамки в ожидании Торнсена. Когда до отправки осталось всего пятнадцать минут, в моей душе прорезались лучи надежды на то, что он просто не придёт. Я только облегчённо выдохнула, как эта, так сказать, незачётная звезда соизволила появиться. Он бы обвешан оборудованием со всех сторон. Ловушки, слеодоуловители, счётчики магических возмущений, стазисные контейнеры для сбора и хранения экскрементов и минилаборатория для их анализа... В общем, я постаралась от души, составляя список. Ни в чём себе не отказывала. Во имя науки, разумеется.

– Студент Торнсен, что вы себе позволяете?! – гаркнула на него я от всей души.

Он бросил короткий взгляд на порталистов, а потом выпрямился (хотя под грузом «обстоятельств» это было непросто даже такому здоровяку, как он).

– Извините, лея Хольм. Что вы имеете в виду? – ровно поинтересовался он.

– То, что до отправки осталось всего, – я подняла взгляд на хронометр с обратным отсчётом, обязательный компонент порталного зала, – десять минут!

С совестью у Торнсена проблем не было за неимением совести, поскольку моя тирада его нисколько не задела. Напротив, мне показалось, он даже слегка расслабился.

– Но я же здесь, – невозмутимо ответил он, даже слегка

пожал плечами, оттянутыми весом рюкзака.

Нужно будет, пожалуй, позаигрывать с ним на глазах у Сафониэля. Чтобы ему жизнь мёдом не казалась.

... Им обоим жизнь мёдом не казалась, кстати!

– Я не успеваю сделать сверку оборудования! – возмутилась я.

– Какое счастье! – устало выдохнул он.

– Что вы себе позволяете?!

Торнсен молчал в своей обычной манере, и мне даже показалось, что его слова мне причудились.

Арка дилинькнула, напоминая, что до активации осталось две минуты. Я махнула рукой на разборки. Если он что-то забыл, буду выедать ему мозг всю экспедицию. Пусть готовится.

Я набросила на плечи свой рюкзак, тоже немаленький, кстати. И вышла первой к portalу.

Однако когда раздался долгий гудок, информирующий об открытии пространственного коридора, Торнсен сдвинул меня с пути как пушинку и первым прошёл вперёд.

Я вылетела следом, злая, как выпень с отдавленным хвостом.

– Я должна была идти первой! – набросилась я на него, обогнув по дуге и повернувшись к нему лицом. – Я – преподаватель!

– А я – мужчина, – невозмутимо ответил на это студент.

Я хотела было пройтись по этому самонадеянному «муж-

чина», но опасный огонёк в глубине его особенно ледяных сейчас глаз заставил меня промолчать. Я оступилась и пошатнулась. Непривычный вес за спиной потянул меня назад, но Торнсен отреагировал молниеносно, поймав меня широкими крепкими ладонями за бока.

Рёбра обожгло касанием, будто это были не мужские руки, а две раскалённые сковородки.

Я в недоумении подняла взгляд.

Глаза студента Торнсена, который располагался теперь от меня в непозволительной близости, были чёрными. Лишь по самому краю огромного зрачка сиял льдом голубой ободок.

Я упёрлась в его предплечья, заставляя меня отпустить. И снова обжигаясь, теперь, правда, более приятным наощупь теплом. Парень разжал ладони, но на коже в месте соприкосновения ещё горел оставшийся след.

– Спасибо, – выдохнула я, пытаясь осмыслить неожиданные ощущения.

– Обращайтесь, – хрипло произнёс он и откашлялся.

Хм.

Я торопливо вынула Артефакт Встречи, настроенный на Сафониэля. Стрелка слабо качнулась и показала на юго-восток. Артефакт не только указывал направление, но и расстояние. Ну как расстояние? Чем сильнее дрожит стрелка, тем ближе идти. Порталисты явно играли на моей стороне, решив обеспечить студенту Торнсену небольшой марш-бросок в полной экипировке.

– До конечной точки маршрута нам довольно далеко, – сделала вывод я, и парень хмыкнул. – Разумеется, никто нас встречать не пойдёт, поэтому мы идём сами. Ножками, – зло-радно заявила я и непроизвольно бросила взгляд на его сапоги.

«Ножками» – это не про него. Про него – ножищами! Я, наверное, вся в его сапоге помещусь, если утрясти немного.

Торнсен стоял, смотрел на меня сверху вниз и молчал.

Как всегда.

И в кои-то веки я об этом пожалела. Мне вдруг захотелось сорваться чисто по-человечески. Наорать. Врезать по этому упрямому лбу.

Но поводов не было.

Я взяла азимут, подпрыгнула, поправляя лямки, и пошла вперёд.

По почти бесшумным шагам позади я поняла, что Торнсен идёт следом.

6. Лайна

Думалось, что в Южных горах. Но, похоже, косорыл знает где

Мы шли. Шли. И шли. По непролазному лесу, сколько ни смотри вокруг. Два часа остались позади. Стрелка артефакта едва колыхалась, и никакой динамики в её движениях не наблюдалось. Плечи безбожно затекли. Каждые полчаса я объявляла пятиминутный привал. После каждого привала рюкзак становился всё тяжелее и тяжелее. Пространственная магия всегда давалась мне с трудом, но я пыталась вливать силу в левитирование поклажи. Не знаю, было ли замечено это жульничество моим спутником. Судя по темпу Торнсена и его чуть раскрасневшимся щекам, заполненный доверху рюкзак с магически укреплённым каркасом ему существенных неудобств не представлял. В отличие от меня.

К тому же хотелось есть. Есть, спать, в кустики, отдохнуть, выкинуть к мечеклыкам шилокожим половину вещей из рюкзака и торжественно их сжечь. Вторую половину послать в подхвостье громохлёсту смердливому вместе с экспедицией, Торнсенем, порталистами и Сафониэлем.

Всё!

– Торнсен, я полагаю, молодому растущему организму пора подкрепиться? – сказала я, снимая рюкзак и растирая ле-

вое плечо, которое почему-то болело сильнее.

– Да, я тоже думаю, что вам нужно больше есть, – буркнул он под нос.

– Что, я не расслышала? – с намёком на последствия поинтересовалась я.

– Говорю, отличная идея! – гаркнул он, выпрямляясь по стойке смирно.

Ветви деревьев над нами шуркнули от взмывших в небо птиц.

Хоть бы запыхался для приличия!

– Вот и замечательно. Организуйте костёр, сварите... что-нибудь. Надеюсь, запасы по списку вы не забыли?

– Никак нет! – снова рявкнул он, дораспугав тех пернатых, которые не успели достаточно испугаться в прошлый раз.

Я демонстративно поковырялась пальцем в ухе.

– Кажется, барабанная перепонка ещё цела, – поведала я результаты ревизии. – Но я не уверена, что она выдержит еще один удар. У вас, случаем, нет третьего состояния? Промежуточного между «молчу» и «ору».

Парень задумался. Или третьего состояния не было, но он пожалел мои уши. Я не стала его мучить этой этической дилеммой.

– «Никак нет» означает, что продукты есть? – на всякий случай уточнила я и дождалась уверенного кивка.

Похоже, третье состояние хоть и было, но накатывало спонтанно.

Я потребовала притороченный сбоку торнсенского рюкзака счётчик магических возмущений и с деловым видом потопала в лес.

Без рюкзака, после кустиков и вне зоны видимости хвостатого студента я чувствовала себя почти невесомой. И почти счастливой. Наконец успокоившись, вокруг чвыркали, фьютькали и трещали клювами довольные птички. Под раскидистыми остроиглыми деревьями прятались мелкие белые цветочки с лёгким приятным ароматом. И эта идиллия меня порядком напрягала.

Во-первых, какого чернорогого воплежутя здесь делают эти остроиглые деревья? У меня Южные горы ассоциировались с широколиственными породами и светом. Нас с группой бросили в Южные горы во время Семидневного Конфликта. Тогда наёмники из Лортландии попытались взять под контроль наши таможенные пункты, чтобы пропустить на территорию Империи большую партию лортландской травки. Инцидент ликвидировали за неделю. За неделю несколько сотен сильнейших магов и сухопутные войска не могли справиться с горсткой отщепенцев. Почему? Потому что вместе с «отщепенцами» массово прибыли твари всех видов и размеров. Ладно, я вообще не о том. Как говорили однокурсники: «Кто про что, а Хольм про тварей». Я про деревья. Не было там таких деревьев! Зато цветы были всякие: яркие, разноцветные, только венки и плети.

И эта стрелка, еле трясущаяся, мне не нравилась.

И то, как потрескивал счётчик, показывая высокую активность магических созданий. Почти, как тогда, в Южных горах. Собственно, потому-то мы туда и отправлялись. Где ещё изучать тварей? Только здесь, судя по щелчкам, их разнообразие было выше. Где бы это «здесь» ни находилось.

Я вернулась к Торнсену, которого легко нашла по запаху костра. И поисковому маячку, разумеется. К запаху костра примешивался аромат похлёбки. Он поднял мой приунывший боевой дух.

Я вынула из-под клапана своего рюкзака миску и ложку и была вознаграждена за терпение горячей едой. Похлёбка, кстати, удалась повару на славу. Или я зверски хотела есть.

Утолив первый голод, я впала в благодушное настроение. Мне уже даже не хотелось выбрасывать вещи из рюкзака. Правда, поднимать его и тащить дальше тоже не хотелось.

– Торнсен, – обратилась я к студенту. – Во-первых, спасибо, было вкусно.

Он кивнул.

– Во-вторых, вы отдали порталастам точные координаты?

– Да, – твёрдо ответил он, помотав головой.

– Торнсен, вы вообще умеете давать однозначные ответы?! – вскипела я.

Он задумался.

– Не утруждайте себя ответом. Это неважно, – успокоила я его. В конце концов, мыслительная деятельность с непривычки вызывает некоторый дискомфорт в мозгу. А нам ещё

идти и идти. Неизвестно куда. – Важно, что мы не в Южных горах.

– А где? – поинтересовался пареньь.

– Косорыл знает, – пожала я плечами. – Самой интересно.

Ну что, двинули?

– Куда?

– Куда-куда? Вперёд, студент Торнсен. Вперёд. Если долго идти вперёд, то обязательно куда-нибудь дойдёшь.

Как оказалось, я была не так не права, как могло показаться Торнсену на первый взгляд. Ещё через два часа мы наткнулись на избушку. Точнее, домик.

Одинокий домик в лесу.

Что-то мне это напоминает. Кажется, какие-то сказки.

Стоило нам дойти, из окна выглянула старушенция в возрасте лет за пятьсот.

– И чаго вам надоть? – гостеприимно поинтересовалось она у гостей.

7. Лайна

В избушке неясного происхождения, косорыл знает где

– Доброго дня, бабуля, здоровья вам на многие лета, – расплылся в улыбке Торнсен.

Я даже растерялась. В смысле, он весь так преобразился! Старушница засопела и заерзала.

– Ну, здрасте, коли не шутитя, – ответила она почти смущённо, но вскоре опомнилась. – Чаго пришли? – добавила она сурово.

– Заблудились мы, бабуля, – продолжал рассыпаться бисером студент. – Пусти переночевать усталых путников.

– Чего-то не похож ты на усталого путника, – справедливо заметила старушница.

Зрение-то у неё о-го-го, даром, что на погосте ждут с цветами и музыкой.

– Так это же хорошо! – воскликнул Торнсен жизнерадостно, будто не протопал четыре часа с полной загрузкой.

Впрочем, что я знаю о его «полной загрузке»?

– Хорошо, что не совсем усталый, – продолжал парень. – Мне же ещё силы пригодятся. Вдруг вы захотите меня как мужчину использовать?

Надо же какая самоотверженность!

А как приободрилась бабулька! Засопела, прямо как выпень перед нерестом.

– Дров, я вижу, вам нарубить надо, – обломал её парень и бросил короткий взгляд на меня, дескать: «вот видите, лея Хольм, учите молодёжь плохому». – Крыльцо, гляжу, совсем покосилось. Наличники еле держатся.

– Так за одну ночь-то тут не управишься, – смекнула свою выгоду старушенция.

Торнсен снова бросил взгляд в мою сторону. На этот раз – спрашивая моего мнения. Я еле заметно кивнула. Неплохо было бы оглядеться. Понять, куда нас занесло. Пока Сафониэль будет выяснять, почему нас сюда занесло, и выносить отсюда.

– Так мы задержимся ради такой приветливой хозяйки.

– А ещё у меня печка дымит, – вспомнила «приветливая хозяйка», почуяв дармовщину.

– Поможем! – пообещал Кейрат.

Золото, чисто золото, а не студент. Просто цены ему нет. В лесном хозяйстве.

– А она? – тут карга обратила внимание на меня. Будто одного раба-надомника ей недостаточно за сомнительное счастье покормить ее клопов.

...С другой стороны, тварей кормить под открытым небом – тоже удовольствие условное.

– И она пригодится, – уверил старушку Торнсен. – Как женщина. Полы помыть, кашу сварить, грибы насолить, те-

сто замесить. Впрочем, относительно теста я не уверен, – несло поганца, но в мою сторону он теперь не смотрел.

Ощущал тонкость момента, когда одно лишнее движение – и ты труп.

Я настороженно вглядывалась в хозяйку лесных хорóб. Лично у меня особа, которая живет непонятно где, у жабоморда на выселках, среди тёмного-тёмного леса, доверия не вызывала. Опять-таки, магические возмущения. По одной из версий, тварей сотворяли ведьмы, – необученные особи, спонтанно магически-одарённые. Случалось это не то в результате запрещённых ритуалов, не то в качестве побочного продукта жизнедеятельности.

Магия требует выхода. Если не расходовать магический резерв до конца, сила застаивается и... приводит ко всяким неприятностям и неудобствам. Прежде всего, избыток силы бьёт ниже пояса. Поэтому маги, особенно юноши, весьма неразборчивы в связях. Поэтому мне в университете нужен был любовник. А уж если всё равно без него не обойтись, так пусть хотя бы польза от него какая-то будет. Конечно, я тогда не планировала уезжать из столицы и не предусмотрела, что могу оказаться в столь щекотливой ситуации. Я бы только посмотрела в сторону другого, как это тут же дошло бы до лея Гроссо. Я же говорю, маги – такие сплетники!

Недержание языка имело ту же природу, что недержание штанов и неспособность усидеть на месте. В нижепояса страдали оба направления. Избыток силы требовал её приложе-

ния, пробуждал жажду деятельности и звал на подвиги. А если у человека не было возможности слить магию в удобоваримой форме, то вокруг него начинали происходить странные вещи. Магия просачивалась сквозь оболочку носителя и иногда материализовалась... во всякое. К месту и не к месту. Чаще второе.

В общем, я с подозрением поглядывала на старушку, которая не боялась жить одна в лесу, полном тварей.

А она с подозрением глядела на меня.

Видимо, сомневалась в моём умении мыть полы.

– Конечно, я буду рада помочь, – уверила я, хотя вряд ли была в своём энтузиазме столь же убедительна, как Торнсен.

– Ладно, можете на чердаке устраиваться, – выдавила бабуленция. – Но только чтоб без непотребств!

– Ни-ни! – заверила её я.

У Торнсена внезапно случился паралич языка. Или он всё же дал старушке шанс.

Мы поднялись на чердак по скрипучей лестнице. Под Торнсеном она даже не скрипела, она стонала. Наверху было грязно и темно. Толстый слой пыли можно было, пожалуй, использовать вместо перины. В дальнем углу стоял старый сундук с полуразложившимся хламом. Места для двух спальников было завалилось.

– Вот здесь мы и будем жить половой жизнью, – вдруг подал голос студент, обводя рукой просторы, и до меня не сразу дошёл смысл сказанного.

Совсем страх потерял. Нюх, совесть и чувство самосохранения. А ведь его ещё не настигла кара за «мыть полы».

– В смысле, спать на полу, – с чуть заметной улыбкой пояснил он, и на его щеках прорисовались скобочки-ямочки.

– Зубки прорезались? Говорить научился? – не удержалась я, распиная слой пушистой пыли, чтобы очистить место для рюкзака.

– А вы, наверное, думали, что у меня голова чтобы зубами файерболы ловить? – с усмешкой поинтересовался он.

Вообще-то так и было. Но я не стала давать Торнсену ещё один повод для торжества.

Мыть полы пришлось. Тряпкой и руками. Руками и тряпкой. Перспектива спать по уши в грязи меня не привлекла. Хотя какое «по уши». Если бы я легла в слой чердачной взвеси, меня бы накрыло пыльной волной с головой. Я знала пару простеньких бытовых заклинаний, с помощью которых справилась бы с напастью в два счёта. Но если бабулька – ведьма, она может насторожиться, почуяв скачок магического фона. Конечно, наше с Торнсенем появление у избушки сложно отнести к релаксирующим мероприятиям. Учитывая многочисленное околонуачное барахло, навьюченное на студента, как на последнего осла (хе-хе!). Оборудование-то дремучая, как лес вокруг, бабулька вряд ли опознает. Но я бы на её месте с такими гостями держала ухо остро. Как саблехвостый жутконос на кладке.

Пока я, еле ползая осенней мухой, в духоте чердака выметала пыль, чихала и отмывала тёмные от времени доски, снаружи слышался бодрый стук топора. Я задумалась, что ещё можно было бы взять с собой, раз уж у Торнсена ещё столько сил осталось. Чисто академически задумалась, потому что практической ценности эти идеи не представляли. Теперь я его уже ничем загрузить не смогу.

Кроме гранита науки.

А это, кстати, неплохая мысль. За неимением Сафониэля придется пользоваться Торнсена. Вынос мозга – вполне конструктивный способ слить избыток силы. Пока вокруг меня твари не заколосились. А Торнсен сегодня напросился.

И вчера тоже.

Да он весь год только и делал, что напрашивался.

И вот, наконец, он весь к моим услугам. Куда он сбежит с этой крыши? К бабушке под бочок? С тварями свежим воздухом подышать?

Второе дыхание наполнило мои лёгкие, и работа зашпорилась. Я распахнула единственное на чердаке окно и отёрла пот со лба. Солнце потерялось за кромкой леса, и хотя небо над головой оставалось голубым, жара слегка спала. Я подвезала узлом рубаху, которая постоянно норовила вылезти из штанов. Жилетка была скинута ещё раньше. Площадь очищалась от скверны. Чердак, наполнившийся чистотой и светом, показался даже уютным. Я огляделась. Протёрла отжатой тряпкой узенький подоконник, но только грязь размаза-

ла.

Пора менять воду. Я взяла ведёрко и поползла вниз по скрипучей лестнице.

На улице с топориком разминался Торнсен. По случаю жары – без рубашки. Его мускулы играли тяжёлыми тяжами. Ну да. Как-то же он пёр гору у себя на спине. Колун взлетел вверх, демонстрирую великолепную переднюю зубчатую мышцу и тугие кубики пресса. Судя по скорости, с которой рядом с ним росла гора дров, он поставил целью обеспечить бабульку дровами на пару лет, хотя куда ей столько. Она столько и не проживёт...

Хотя с таким характером, может, и проживёт.

– Девонька, а когда ты кашеварить-то начнёшь? – прошелестела бабулька. – Есть-то уже пора.

И правда. Я тоже почувствовала, что пора. Но варить я умела только зелья. Потому, что для них вкус неважен. Я уже рот открыла, чтобы поинтересоваться, чем перед нашей гостеприимной хозяйкой провинился её желудок... Но меня отвлек глухой «бух» и «А-а-а!» студента.

Парень прыгал на правой ноге, вцепившись в левую. Колун валялся на земле.

– Торнсен, когда такая громадина, как вы, прыгает, во круг случается землетрясение, – я поспешила, чтобы оказать первую помощь потерпевшему. – Сядьте и дайте свою ногу!

Он сел на колоду, но ногу не отдал. Я опустилась перед ним и протянула руки. Он помотал головой, поднял взгляд

и тут же перевёл его на стопу. И снова на меня – куда-то на уровень груди и даже ниже.

– Живой? – задала я вопрос, поднимаясь.

Кровь из ноги не хлещет, парень заткнулся. Скорее всего, просто уронил колун на ногу, растяпа!

Торнсен помотал головой. Потом, одумавшись, покивал. Глядя мне в центр корпуса.

– С кем вы там общаетесь? – поинтересовалась я и тоже опустила взгляд. На то место, где была подвязана рубашка, ниже которой виднелся голый живот. Ой!

Я торопливо поправила одежду. Под цепким взглядом студента.

– Перед сном сдаёте технику безопасности при обращении с колющими предметами, – уведомила я студента. Строго.

Он кивнул.

– А пока вы временно отстраняетесь от работ с колющими инструментами и отправляетесь на кухню, к режущим, – решила я разом две проблемы.

Он снова кивнул.

– Что сидим? Чего ждём? Хозяйка сказала: «Есть уже пора!», – напомнила я и пошла за дом, где на крохотной делянке росли три овоща в пять рядов.

Вылила грязную воду, набрала из колодца чистой и пошла в дом. Внутри слышались голоса старушки и Торнсена, я поднималась из сеней на чердак и пыталась избавиться от

пристального взгляда студента, который засел в памяти. И картинок выпытывания у него положений техники безопасности в положении сверху.

Я встряхнула головой. Эдак много до чего можно додуматься. От избытка-то магии. Срочно на подвиги!

Я домыла подоконник, протёрла наново пол, расстелила спальник справа в дальнем углу, справедливо полагая, что кто успел, того и место.

Перед глазами возникла другая картинка, как я провожу рукой по этой, воплежуть её подери, рельефной зубчатой мышце...

Привидится же такое! Посреди бела дня!

– Я прогуляюсь до леса, авось грибов соберу, – крикнула я в дом и, подхватив счётчик, отправилась собирать информацию.

Да. Грибы – это конструктивное решение!

Я повесила неподалёку от полянки с домом магоэкономичный поисковый маячок и углубилась в лес. И практически сразу наткнулась на характерный след с четырьмя острыми когтями, впившимися во влажную почву. Косорыл. Косорыл знает где. Счётчик натикал на полноценную взрослую особь, которая оставила этот след менее недели назад.

Я осмотрелась. В лесу начинало темнеть. Завтра. Завтра с утра вытащу Торнсена на практику. А пока – «Есть уже пора».

8. Кей

В избушке бабы Тои, в отрогах Западных Гор

Я вытянул ухватом горшок из печи и помешал кашу из наших запасов. Интересно, чем баба Тоя, как она просила себя называть, питается, когда нет гостей? Когда есть, понятно, можно съесть самих гостей на крайний случай, правда же? В этом деле главное что? Главное – заманить.

Нервы понемногу успокаивались. Нога уже не так болела. Между ног – тоже. Уже не так тянуло.

Не, а что? Ещё штаны бы сняла! Жарко же, понятно. Убиться неудобно. Испачкать можно. Я бы сразу упал замертво и уже не мучился.

Маджи, мой однокурсник-приятель, говорит, что я – мазохист. А я не согласен. Будь я мазохист, я бы отдал порталстам её координаты. И подышал бы, глядя, как она флиртует с этим хлыщом из столичного университета. *«Я тебя сегодня ждал!»* – *«Прости, я виновата!»* Поползай перед ним на коленях ещё, да. Он же настоящий лей в двадцатом поколении. Гонору-то с гору, да силы-то пшик. Что, что она в нём нашла? Баба бабой. Надменный дрыщ и волосы до задницы. Сзади посмотришь – ни за что не определишь, что у него где-то причиндалы прячутся. И спереди посмотришь –

усомнишься.

...Ан нет же, как-то отыскала.

Ревность пронзила грудь острым кинжалом. Разумеется, парни курса поглядывали на Хольм с интересом. В Академии женщин – раз-два, расчёт окончен. А любви и ласки хочется всем. Особенно, когда по ночам накрывает откат после дневных упражнений по раскачке резерва. Хоть вой. Хоть на потолок лезь. Хоть в душ иди. Тогда кто-то и раскопал, что она в столице с заведующим спала. Точнее, это он с ней спал. Леи иногда снисходят до «спонтанных». Я читал статью об исследованиях в этой области. В зависимости от уровня «спонтанной» при регулярных половых сношениях потенциал резерва носителя благородной крови повышается в диапазоне от десяти до тридцати семи процентов. На время. Регулярных половых сношений. И вы предлагаете мне терпеть, как этот, простите, бабо-лей будет иметь Джелайну в соседней палатке?!

Я же не соврал. Она что спросила? Точные ли координаты я дал. Точные. Точнее некуда. Просто взятые наобум.

– ...Ты, милоч, мяска-то поболее, поболее клади, – подала, как из тумана, голос баба Тоя.

– Бабуль, а как же ты мяско кушать-то будешь, у тебя же зубов нет?

– А я дёснами, милоч, дёснами, – успокоила меня бабулька. – Пошамкаю как-нибудь.

– А вас, часом, не Баба-Яга зовут? – спросила от двери

Джелайна, и в комнатке сразу стало душно и тесно.

Два открытых настежь окна не спасали. Ну разве что выпрыгнуть. Но окно – это не выход. Я от неё год бегал. Но уж раз судьба оказалась так настойчива и находчива, спустить такую возможность мелкозубу под хвост – в высшей степени глупо.

– Да вроде баба Тоя была с утра, – задумалась старушка. – Да могла и забыть по старости. А ты, девонька-то, присаживайся к столу. Вот водички попить принеси свежей – и присаживайся.

Джелайна скривилась, но молча взяла в углу небольшое ведёрко и пошла по воду.

Старушечка довольно захихикала и потёрла руками. Сделала гадость – на сердце радость.

– А ты, милоч, может, баньку протопишь? Тяжело старушке-то самой, – она вдруг сразу стала больной и несчастной, даже за поясницу схватилась, хотя только что скакала горной козой. – А я тебе покажу, откуда в бане всё как на ладони, – подавшись вперед, хитрым шепотом посулила мне она.

Я покраснел. Прямо почувствовал, как лицо вспыхнуло краской. А ведь в такой жар я и раньше бледным не был.

– Спасибо бабуля, я так, бесплатно.

Мне, между прочим, с Джелайной спать рядом. Уже от одной этой мысли начинали путаться, а язык – отниматься. А если я ещё... Я вообще в беспомощный овощ превращусь, бери меня и режь.

– А я всё равно скажу, – зловредно заявила старушка.

– Чтобы не одиноко было подглядывать? – не удержался я.

– Так стара я, стара стала... – пожаловалась баба Тоя. –

Вот раньше, бывало...

Она закатила глаза, изображая, как бывало раньше. Или просто погрузилась в воспоминания молодости. Это ж какая, должно быть, память у человека – столько помнить!

– Баба Тоя, – прицокала с ведерком Лайна. – А как же ты тут одна в лесу? Не страшно? Звери не беспокоят?

– Ой, звери не беспокоят, – уверила старушка. Она быстро огляделась, будто кто-то мог её услышать, и продолжила: – Нету вокруг зверей-то.

– Вы всех деснами перешамкали? – полюбопытствовал я.

– А не знаю, – легко отмахнулась старушенция, явно что-то скрывая. – Может, и перешамкала. Может, и кто помог.

– Бабуль, а не слышала, может, кто-нибудь что-нибудь не поделил неподалёку? – осторожно спросила Джелайна.

А вот тут я, кажется, побледнел. Отсутствие зверей, слишком быстрое возвращение Хольм, слишком осторожный вопрос. Доказано, что больше всего тварей там, где идут боевые действия. Чем масштабнее война – тем больше тварей.

– Так глуха я стала на правое ухо, – пожаловалась бабулька. – А левое не слышит совсем. Не слышала ничего такого. Да и от кого? – буркнула она. – Зверья, и того нет. Да вы кушайте-то, кушайте. Потом в баньке искупаетесь.

– А потом уже и вы поужинаете, – засмеялась Хольм.

– Стара я уже стала. Нельзя мне на ночь есть. Желудок уже не тот, – и тут она раскатиисто пукнула, громохлѣст бы позавидовал. – Да и с кишечником уже нелады. Так что с вами поем.

И она засуетилась в поисках миски и ложки.

Я принялся. Посторонних примесей, хвала Дайне, в воздухе не появилось. И я отправился наверх, за посудой. Джелайна поцокала следом. Я галантно пропустил её по лестнице вперѣд и ещё потом несколько минут медитировал, пытаясь прийти в себя после зрелища ее подъѣма. Нужно было что-то делать со своим.

...А мне ещё с нею спать в одном помещении.

Полы сияли чистотой, Хольм обозначила свой волчий угол, раскинувшись со своим спальником чуть не на полчердака. И я понял, что мне придётся с нею спать не просто в одном помещении. На одном полу. Почти вплотную друг к другу. Только руку протяни.

И, кажется, снова покраснел.

Но, к счастью, в этот момент я копался в своём рюкзаке, а потом Джелайна спустилась.

Судьба, ты хочешь моей смерти!

Но смерти сладкой, не могу не согласиться.

И отказаться не могу.

9. Лайна

Перед баней, в бане и после бани бабы Тои, неподалёку от косорыла и ещё косорыл знает кого

Бабулька молчала. То есть про погоду говорила, про мифические «былые времена», которые никто не видел, а те, кто видел, уже ничего об этом не расскажут. Про неурожай нынешних ранних грибов и урожай прошлогодних орехов. А про тварей – молчала. Стоило только намекнуть, только нос в ту сторону повернуть, как старушенция сразу вспоминала, что левое ухо у неё не слышит, а на второе она глухая.

Кейрат сидел молча. И уплетал кашу за обе щеки, переводя взгляд с меня на бабульку, как зритель на трибуне. Я даже не могла определить, за кого он болеет. Потом Торнсен сказал, что баба Тоя права, с дороги неплохо бы и помыться. И постираться. Между строк сквозило, что после марш-броска с рюкзаком в два Торнсена весом и горы нарубленных дров он будет обоняться отнюдь не медовником. А нам ещё спать вместе.

...Ну то есть не вместе, а просто рядом.

Хотя никакой обещанной вони я от него не ощущала. И от себя не ощущала. Но не факт, что её не было. Я постара-

лась незаметно наклониться к подмышке и понюхать. Вроде, смрадом с ног не сшибает.

...Но, учитывая, что нам спать... рядом...

Да и вообще. Кто откажется искупаться? Если и воды несут, и баню растопят. В бане я не мылась с самого детства.

Кейрат справился быстро. Я только посуду успела помыть, стол отскоблить, под столом замести... Я не чистюля, не подумайте, но там хоть кур запускать было. Видать, бабулька не напрягалась на этот счёт. Последние пару лет. Поясница, понятное дело. Зрение, опять же. На глаза старушка пока не жаловалась. Но совершенно уверена, что у неё правый глаз не видит, а левый ослеп.

От бани слабо потянуло магией. Не удержался. Стравил немного, чтобы протопилось быстрее. Надо бы ему головомойку устроить. После того, как из бани выйдет. На свежую голову.

Но я его понимала.

Нас, защитников, тоже по первости «раскачивали». К вечеру после таких упражнений я на Сафониэля набрасывалась прямо на кафедре. Где ловила, там и набрасывалась. Но у нас больше ценится умение держать резерв, поэтому с пятого курса измывательства по раскачке сменились занятиями на концентрацию. Также вынос мозга. Но хоть от желания крышу не рвёт. А боевикам приходилось хуже. Их до самого выпуска «качали», чтобы на максимум вывести. На молодой, здоровый, мужской организм.

В общем-то, я об этом раньше не задумывалась. Повода не было. А сейчас даже жалко его немного стало. Если меня так корёжит, Торнсену каквово?

... От этой мысли почему-то сразу стало жарко, и избыток магии ударил в голову. И ниже пояса, наливаясь влагой.

Ничего, он мне целый год нервы мотал. Как-нибудь справится. Выдюжит. Студёная водичка из колодца ему в помощь, хе-хе.

Парень в баню пошёл первым, на самый жар. Тоже, кстати, неплохой способ «стравиться». В какой-то момент я словила ещё одну вспышку силы, гораздо ярче первой. Но старалась не задумываться, чем она вызвана. (Я не буду об этом думать! И представлять тоже не буду!) Просто анализировала уровень случайного выброса. И на Турнире было понятно, что мальчику силищи Дайна отмерила о-го-го! Но если у него спонтанные выбросы такие, что глаза слепит на расстоянии в несколько десятков метров, то с оценкой его потенциала я где-то на порядок ошиблась. Понятно, почему ректор так за него держится.

...Но зачёт по тварезнанию я всё равно просто так ему не поставлю!

Он появился где-то через полчаса, распаренный и ослабленный, в расстёгнутой рубашке из простого небелёного льна и приспущенных брюках, не обременённых ремнём. Торнсена можно было использовать в качестве наглядного пособия по анатомии мышц. Спереди это было лучше видно,

чем сбоку. От пупка книзу убежала волосистая дорожка.

Я с трудом оторвалась от того места, где она терялась под поясом, и подняла взгляд. Торнсен неожиданно смутился и запахнул рубашку.

– Я не думал, что вы здесь, – тихо сказал он. – Вы идите, там свободно, – и ещё больше смутившись, добавил. – И скамейки я отмыл после себя, если что.

Я взяла собранную заранее смену белья и спустилась вниз. Крикнула бабу Тою. Та заявила, что пойдёт последней. Стара она стала. Не та, что прежде. Только наказала мне воду всю не выплескать. И паркú оставить. Прожарить старые косточки. Я хотела было ей предложить для прожарки костей сковородку, но постеснялась. Всё же росла я в деревне, а там воспитывали уважение к старости. Это потом, в пансионате, мы научились преклоняться перед силой. И древней кровью.

Баня была протоплена, как в зиму. Я быстро разделась и нырнула в моечное. На полке лежал разлапистый веник, щедро сдобренный ароматными травами. То ли бабулька постаралась, то ли Торнсен знает толк в деревенских радостях. Я забралась на самый верх и просто сидела, обхватив колени, пока кожа не покрылась капельками пота. За окном стремительно темнело, и молодой месяц не справлялся с освещением. Я решила, не будет больших проблем, если я запущу крохотный магический светильник, а то и ошпариться в темноте недолго. Если баба Тоя – ведьма, после мощного выхлопа Торнсена пытаться изображать из себя не-магов, всё равно

что прятаться за вешалкой. Не по-взрослому, в общем. Я запустила огонек под низкий потолок и плеснула на раскалённые камни из ковшика на длинной деревянной ручке. Вода зашипела, взвившись паром и обдавая горячей волной. Я пошлёпалась, жалея, что приходится самой. Сейчас бы растянуться на полке, да чтобы кто-нибудь веничком отходил... Торнсена, что ли позвать? А то что он такой расслабленный? Непорядок!

Я поддала еще, а потом окатила себя ледяной водичкой из лоханки. У-ух! Бр-р-р!

Жизнь сразу стала легче, и стало глубоко плевать на Сафониэля, косорыл знает где сейчас находящегося, и на то, ищет он меня или нет, и на косорыла в лесу. И его приятелей. И приятельниц, судя по счётчику, многочисленных. Это была чистая, незамутнённая радость бытия.

Я намылила мочалку душистым мылом, оттерлась вся, от носа до пяточек, и ополоснула волосы травами, запаренными в одноухом ушате. Напоследок я еще раз прогрелась, ополоснулась и, выходя, подняла взгляд к потолку, чтобы утащить с собой светлячка. И наткнулась взглядом на широкую щель под потолком, выходящую прямо на слабо подсвеченное чердачное окно.

Горячий поток стыда омыл меня сверху донизу.

Ну...

Ну, в конце концов, я молодая, стройная, красивая. Так что, если кто-то подсматривал, это его головная (и не только)

боль.

Сладких тому снов, хе-хе.

10. Лайна

На чердаке дома бабы Тои

Я чувствовала себя дрожжевым тестом в кадлушке: таким же воздушным и аморфным. Но, собрав волю в кулак, мне всё же удалось заставить себя переполоснуть одежду и развесить её на верёвке рядом с рубашкой и штанами Торнсена. Я вошла в дом и сказала старушке, что в бане свободно, но темно. Та пробухтела что-то про гостей, дотянувших с помывкой до ночи, будто Торнсен не предлагал ей пойти первой. Она ещё что-то бухтела, но я была в слишком блаженном состоянии, чтобы ее слушать, и полезла наверх по лестнице. В какой-то момент у меня мелькнула мысль о том, что студент мог видеть меня без исподнего и мне сейчас предстоит взглянуть ему в глаза. Но потом я подумала, что сам он вряд ли в таком признается, даже если подглядывал. А если все делают вид, что ничего не произошло, то вроде ничего и не произошло.

Когда я поднялась, Торнсен лежал на расстеленном спальнике в той же расстёгнутой рубашке и приспущенных штанах. Рассмотреть то, что ниже, было сложно из-за согнутой в колене ноги (Дайна, о чём я думаю!). Одна его рука была закинута за голову, вторая придерживала за корешок классический учебник по тварезнанию Бланчифлоер Т. леи Моро.

Я считала, что назвать девочку «Бланчифлоер» – испортить ей всю жизнь. Но, видимо, её родители так не думали. Зато девочка выросла в уважаемую лею и отомстила миру, написав до ужаса нудный учебник. Студенты засыпали над сим талмудом последние лет сто, наверное. К тому же он порядком устарел. Но ничего другого не издавали. У Сафониэля была мечта написать новый. Он уже несколько лет собирал материалы, но из-за постоянной нагрузки по кафедре и исследовательской работы у него не было времени завершить работу. Я начала было их сводить, но не успела. Кропотливая работа в архивах Академии Дьюи позволила мне взглянуть на тварей под другим углом. А результаты экспедиции могли привести к настоящему прорыву. Если бы не сбой телепорта.

– О, я гляжу, вы даже читать умеете, – порадовалась я за студента.

– Как вы могли обо мне такое подумать! – возмутился Торнсен. – Я просто разглядываю картинки!

Опять разговорился. Хм.

– Там нет картинок, Кейрат, – напомнила я, усаживаясь в свой угол, опираясь спиной на вертикальную стену напротив окна и складывая голени крест-накрест.

– И очень жаль, – заметил тот, тоже усаживаясь и застёгиваясь. – Каждый раз, когда я пытаюсь её читать, я теряю мысль на второй странице, а над пятой у меня слипаются глаза. Предлагаю прописывать её как снотворное.

В комнате добавился какой-то новый аромат. Сначала я

подумала, что из окна нанесло какими-то ночными цветами, но потом заметила в углах пучки травок, висящие вниз головой.

– А надо было на лекции ходить, – попеняла я, не заду-
мываясь, размышляя на тему, кто их сюда повесил. – Там бы
не засыпали.

– Да с вами разве заснёшь... – буркнул Торнсен.

– Что? – переспросила я, повернувшись к нему ухом. Де-
скать, не расслышала. А ну-ка, повтори-ка.

– Никак нет! – гаркнул студент.

– У вас очередной приступ, Торнсен? Вы лечились бы, что
ли...

– Не помогает, – печально ответил парень, опустив плечи.

– Что «не помогает»?

– Ничего. Ничего не помогает, – он посмотрел на меня
жалостливым взглядом.

По шкале жалостливости – девять из десяти.

Но меня таким не пробьёшь.

Внизу хлопнула дверь. Бабулька отправилась в баньку.

...И на полчаса мы с Торнсеном совершенно одни.

От неловкости меня спас забурчавший желудок.

– Кейрат, признайтесь, у нас есть что-нибудь поесть?

– Так ведь нельзя на ночь есть, – напомнил осмелевший
студент.

– Ничего, у меня желудок крепкий, – отмахнулась я. – И
кишечник пока держит, – добавила заговорщицким шёпо-

том.

И мы одновременно прыснули.

Пока запасливый Торнсен выколупывал из своего баула буханку хлеба и шматпряного сала, я сгоняла вниз за тёплым отваром трав, который мы пили за ужином.

Бутербродики умялись на ура.

– Лея Хольм... – обратился ко мне студент, когда я приступила ко второму, и только тут я сообразила, что за весь день он ни разу не обращался ко мне... никак. Ни по имени, ни по фамилии.

– Я не «лея», – легко вырвалось у меня.

– Я знаю. Но так положено.

– А давайте положим по-другому, – щедро предложила я. – Меня зовут Джелайна.

– А меня – Кейрат. Друзья зовут меня Кей.

– Друзьям можно, – рассмеялась я. – Но вы не думайте, что я вам так запросто зачёт поставлю.

– Хвала Дайне, – пробормотал Торнсен.

– Что? – в очередной раз переспросила я, подозревая, что в глазах студента я по уровню слуха приближаюсь к бабе Тое.

– Говорю: здорово! Такой важный предмет, – не моргнув глазом, стал врать Торнсен. А ведь с виду такой скромняга. – Очень важный. Нельзя за него просто так зачёт ставить. Нужно с меня всё тщательно стробовать. Все практики отработать... Контрольные, да. Контрольные чтобы я обязательно на положительные оценки написал. И ещё исследователь-

ский проект. Ну, за пропуски.

– Звучит устрашающе, – призналась я. – Меня точно пугает.

– А я – готов, – щедро предложил Кей. – Вот прямо сейчас! Давайте прямо с первой темы.

И я начала. Улеглась поудобнее, заложила руки под голову, и начала.

С классификации тварей. О том, что каждая тварь характеризуется по нескольким признакам: размеру, уровню урона и агрессивности. Нет двух тварей с одинаковыми характеристиками. А ещё у каждой есть своя магическая особенность. Тоже неповторимая.

С происхождения. О том, что никто не знает, откуда берутся твари и как они размножаются. Потому что их невозможно содержать в неволе. Все, все пойманные твари исчезают из клеток, сараев, темниц и казематов. И появляются из воздуха в любом месте. И появляются они обычно там, где проливается кровь, летят файерболы, пылают пожары... Но как их вызвать и как ими управлять, никто не знает.

– Так скажите мне, пожалуйста, Кейрат, – повернула я голову в сторону студента.

И обнаружила, что он спит. Самым наглым образом, поджав по-детски колени и уложив ладошки под щеку.

Я хотела разозлиться.

Но не смогла. Я зевнула и поняла, что тоже вымоталась за день. Повернулась на бочок и упала в сон.

11. Лайна

Чердак дома бабы

Тои и его окрестности

Я проснулась от лучей солнца, бьющего прямо в лицо. Разлепила глаза и какое-то время соображала, где нахожусь. Взгляд упёрся в распахнутое, как оказалось, на восток окно. Потом наткнулся на Торнсена.

В памяти стало проясняться.

Я в избушке странной старушки, посреди дремучего леса, заселённого тварями, как трухлявый пенёк – личинками. Вместе со студентом, которого мне навязали, потому что я отказалась поставить ему зачёт. По тварезнанию. Вчера я панибратски уплетала с ним бутерброды и хлестала травяной отварчик. Велела называть меня по имени. И даже обещала принять у него все практические и контрольные. И проект ещё, – делать мне больше нечего!

И ведь не пили даже. Ничего, крепче отвара.

Студент развалился на спине гигантской пентаграммой, занимая разом полчердака. Большую его половину. Ещё каких-то пять сантиметров, и его рука оказалась бы на моём бедре. Зато в этом положении было замечательно видно косящую сажень в штанах, вздымающую его ширинку.

В здоровом теле – здоровый... дух.

О чём я думаю! Дайна, о чём я думаю...

Я быстро перевела взгляд в другую сторону. И наткнулась на цветочно-травяной «веник» в дальнем углу чердака. Такие висели во всех четырёх. Мою голову посетили смутные подозрения. Я, стараясь не скрипеть старыми досками, дотянулась до ближайшего веничка, почти над моей головой.

Пахнет! Я зарылась носом в подвядшие травы. М-м-м! Какой упоительный аромат!

Я размотала суровую нитку, за которую букетик был подвешен к малозаметной щепочке-занозе, и рассыпала сено по коленям. О! Да тут у нас реально целый «букет»!

– Торнсен, подъём! – гаркнула я.

Чтобы не осталось сомнений в том, что я имею в виду.

Парень вскочил, ударившись о скат крыши головой, затем быстро сел на пол, прикрывая «здоровый дух» согнутыми спереди коленками. Еще и рукой их обхватил (второй голову тёр), чтобы не дай Дайна, не протаранить «саженью», хе-хе.

И густо покраснел.

– И что это было? – сурово спросила я, предоставляя парню возможность признаться и раскаяться.

– А что-то было? – неуверенно и почти жалобно поинтересовался Торнсен.

Услышать это от двухметрового громилы, который на Турнире одним мановением руки останавливал пикирующего горбокрыла (в народе именуемого «гробокрылом»), было неожиданно. И даже немного смешно. Но я сдержалась, со-

храняя неприступный вид.

– У вас хочу спросить. Как эти травы оказались на чердаке? – я указала на сено перед собой.

– Баба Тоя принесла. Сказала, от насекомых. Чтобы не кусали. И пахнет приятно.

Тут что скажешь? Боевые маги – не защитники. У них по зельям и ядам даже предмета отдельного нет. Несколько тем в рамках «Первой магической помощи».

– Вот видите, Торнсен... – я подняла тонкий, торчащий, как игла, стебелёк с такими же шиловидными листиками, собранными у основания стебля. – Это проломник боровой – известное снотворное. Вот бородатка повислая – прекрасное средство от хандры. Вот пьяноголов весёлый. Бодрит, храбрит и даже вызывает галлюцинации. Когда в особо крупных дозах. В общем, упоительный аромат у букетика.

Так что – да, мы вчера не пили. Так, нюхнули немножко...

Торнсен поднял взгляд с трав на меня, и в его глазах мелькнуло... разочарование, обида, может?

– Я пойду, – решительно сказал он и поднялся, на этот раз пригибаясь.

Уже ничто не выдавало небольшую мужскую утреннюю слабость (хотя о чём я: огромную утреннюю силу!).

– Идите, – разрешила я.

Хотя меня никто не спрашивал. Парень был уже на половине лестницы.

Я посидела какое-то время. Потом легла, окутанная слад-

ким, будоражащим ароматом. С чего это старушенция решила нам головы задурить?

Подозрительная старушка. Хотя магических эманаций я от неё не замечала.

Что-то Торнсена долго нет.

И даже топора не слышно...

Я поднялась и подошла к окну. Окно выходило удачно, открывая обзор на всё пространство перед домом. Включая баню с тёмной сейчас щелью под крышей. Интересно, подглядывал или нет?

Но сейчас мое внимание привлекло другое. На полянке перед домом Торнсен разминался. Сейчас он выполнял комплекс «Страхотварень, крадущийся в ночи». Для своих размеров и веса он двигался потрясающе легко и грациозно, словно перетекая из одной позы в другую. Рубаху он снял и сейчас демонстрировал замеченные мною вчера кубики и зубчатую мышцу. И мощную трапецевидную. И ромбовидную, и широчайшую спины. Эх, какой шикарный экспонат без дела пропадает. Его бы мне в качестве наглядного пособия на занятия...

Через пережат по умятой травке парень перетёк в защитную стойку, прикрываясь согнутой в локте рукой. Из этого положения выбрасывают магический щит.

Я придвинула кривоногий табурет, который старушенция выделила нам от щедрот, и села любоваться.

...Мне вспомнился его поединок на Турнире. Первые два

тура проходят академически. На первом, отборочном, студенты демонстрируют уровень магической силы. На втором – технику выполнения боевых заклинаний на муляжах. Конечно, обставлено всё красочно. Муляжи тварей в полный рост, выскакивающие из-под земли на полосе препятствий. И разлетаются они в ошметки, и зелёная кровь брызжет во все стороны. И если участник турнира не справился, его очень натуралистично «пожирают». То есть сам процесс не показывают. Участника и победившую «тварь» укрывают густым мраком, и только нечеловеческое рычание и чавканье живописуют зрителям происходящее.

Я всё ждала, ждала, когда какой-нибудь муляж разделается за меня с Торнсеном. Меня выбрали в сопровождающие. И как представитель Академии, я сидела на ВИП-трибуне, откуда было прекрасно видно всё происходящее. Но парень уходил от опасностей и разносил каждую последующую тварь с каким-то мстительным удовлетворением, будто она ему на коврик под дверью нагадила.

И только трое по итогам полосы вышли в финал. Им предстояло сражаться с настоящими тварями. Как я уже говорила, тварей невозможно содержать в неволе. Они неуправляемы. В смысле, телепортируются из любых помещений. Поэтому на турнир тварей отправляют прямо с поля боя. Слаженной командой из нескольких лучших порталистов, по заранее проложенному порталу. Поэтому настоящих схваток так мало. Контур поля мгновенно замыкают мои коллеги. А

для подстраховки рядом сильнейшие боевики. Торнсену достался горбокрыл. Злющий, будто ему под хвост соли насыпали. Знаете, это было страшно. Нас со второго курса на боевую практику отправляли. Сначала в тыловые части, потом на линию огня. Я знаю, каково это – стоять перед живой, злющей тварью.

Я понимала, каково ему.

Я следила за ним, сжимаясь в комок, когда на него обрушивался поток нетушимого огня. Когда только чудом ему удалось увернуться от пикирующего чудища. Не всегда, далеко не всегда участники финала Турнира выходят из него без потерь.

Иногда они теряют жизнь.

Когда поверженная тварь обессиленно разжала когти, я скакала, и визжала от радости, и обнималась с мощной бабищей с изуродованной – однозначно в бою – рукой.

И Торнсен сиял от счастья и гордости. От облегчения, что всё позади. И улыбался поклонникам, и махал им рукой.

А потом поднял взгляд на меня. Будто знал, где искать.

Просто стоял и смотрел.

Я почувствовала, как чьи-то когтистые лапки коснулись моего бедра и пушистая голова ткнулась в ладонь. Дескать, чеши. Я не заметила у бабушки кота. Но он мог охотиться в лесу. Утро – самое время, чтобы вернуться домой. Я, не в силах оторваться от потрясающего мужского тела, вытворяющего невероятные вещи прямо передо мной, запустила

пальцы в мягкую шерсть. «Гр-р-рых, гр-р-рых», – заурчало благодарное животное под моей рукой. И я почесала под тупой мордочкой, а потом за длинными ушами.

«Гр-р-р-р-рых, гр-р-р-р-рых» стало еще продолжительней и блаженней.

Выполнив последнюю связку, Торнсен сложился пополам, чтобы восстановить дыхание.

А потом в одно мгновение выпрямился и вскинул взгляд на меня. Будто знал, где я.

Я чуть не пошатнулась на своём косоногом табурете, и чудом удержала кота.

Наткнувшись рукой на что-то кожистое.

Я перевела взгляд на колени.

Там, возбуждённо подрагивая сложенными кожистыми крыльями, млея от удовольствия иглолапый мелкозуб: «Гр-р-р-р-рых, гр-р-р-р-рых».

– Эй, Грых, ты не офигел ли? – поинтересовалась я у него.

Но тварь лишь боднула меня ушастой головой. Дескать, не отвлекайся на всякую фигню. Продолжай в том же духе.

Я продолжила почёсывания. Никогда в жизни не чесала живую тварь.

...И мёртвых не чесала. Какой смысл чесать мёртвую тварь?

Мелкозуб, один из самых распространенных и безобидных видов тварей, продолжал урчать. А я силилась придумать объяснение происходящему для Торнсена, который

должен был вот-вот появиться.

Внизу стукнула дверь.

Лёгкое движение у меня на коленях – и там уже никого нет.

Такой и застал меня студент: растерянно разглядывающей колени и руку, поднятую над ними.

12. Кей

В процессе внеучебной практики по тварезнанию, где-то в лесах Западных гор

Это издевательство. Это форменное издевательство. А ведь ещё вчера я думал, что наконец-то всё изменилось. Джелайна увидела во мне... ну, пусть не мужчину. Но, по крайней мере, она меня увидела. Меня, а не пустое место.

А оказалось, ничего она не увидела. У нее просто была галлюцинация. В особо большой дозе.

Ещё и встал со стояком. Вскочил, буквально.

Может, не заметила?...

Ага. Это-то она точно увидела. Сидела и посмеивалась. Почему-то меня она не видит, а... А-а! Ну его. Всех к косо-рылам!

Тело ныло и ломало после вчерашней «прогулки», словно в наказание за вчерашние наивные надежды. Будто не было бани. Хотя один разве в бане нормально пропаришься? Я поднял вверх сложенные лодочкой ладони, набрал полные лёгкие воздуха, расправил плечи и медленно выдохнул, опуская и разводя руки. Сила хлынула в меня таким потоком, что я чуть не захлебнулся. Вчера-то я... стравил... на-

пряжение. Это было так легко, так мучительно сладко... Не с нею, но рядом. Словно она держит за руку.

Тело полыхнуло жаром, заполняясь силой до краев и даже выше. Ещё выше.

Да хватит уже! Сколько можно?!

Сила втекала и втекала, распалая жаром изнутри. Я скинул рубашку и бросил её на крыльцо бани. Резерв – не физический орган. Он не может ныть. Но ноет. Как когда долго хочешь в туалет по малой нужде, а нельзя, и тебя распирает изнутри. Энергия требует выхода. Я медлительно, удерживая и принимая дополнительный объём магии, потянулся в выпад. В другую сторону. Растягивая мышцы и резерв. Стараясь не думать, как буду спать этой ночью, когда накроет откат от неожиданного «подарочка». Душа нет, но всегда найдётся пара ведер колодезной водички.

Впрочем, парой не обойдётся.

А попрошусь-ка я у бабы Тои в баню! На ночь. А там – или руки в мозоли, или член в лохмотья. Но хоть посплю. А на чердаке...

Или «веник» из трав себе попросить? Под голову. Обе. И чтобы снотворных побольше, побольше!

Тело привычно выполняло комплекс, напрягая на каждой промежуточной точке все мышцы, продавливая, втискивая в них силу. Что она нашла в этом бабьеволосом хлюпике? Если бы она только позволила...

Я ощутил, как новая порция силы влилась в расслабив-

шийся резерв, и от переносицы до солнечного сплетения снова фантомно заныло. Фантомно, но больно до зубовного скрежета. Я сжал кулаки, чтобы не застонать, и ушёл в перекат, выбрасывая вперёд предплечье, словно закрываясь от удара. И выставляя воображаемый щит. Но даже от воображаемого щита несуществующему органу стало полегче.

Вообще стало легче.

Я решил закрепить успех, и на каждой точке, где следовало выбрасывать в противника заклятие, выбрасывал. В воображаемого противника воображаемое заклинание. Тело стало словно не моё, а принадлежащее кому-то другому. Какому-то очень крутому другому. И сила уже не мешала, а напротив.

И всё равно к концу я вымотался, как выпень после брачного танца. Пресс скрутило от нагрузки, и я сложился вдвое, тяжело дыша, прижимаясь грудью к бёдрам и растягивая заодно мышцы спины и ног.

И именно в этот момент на меня накатило осознание джавю. Всё это уже было. Злость на Джелайну, неожиданно взлетевший резерв – очень вовремя взлетевший, – и это словно не моё, но очень крутое тело, и эта лёгкость... Всё это уже было. На Турнире. И меня снова развернуло, как иглу к магниту, и – да. Джелайна сидела у окна и смотрела на меня.

Сердце ухнуло куда-то вниз, и я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Бездумно стоял и пялился, краем сознания отмечая, как она смущается и пытается отвести взгляд. Но

не может.

А потом наваждение прошло.

Я умылся из ведра и обтёрся тряпицей, подсохшей со вчерашнего вечера.

Нам нужно обсудить одну очень важную тему.

Когда я поднялся на чердак, Джелайна всё также сидела у окна и выглядела очень растерянно. Не думал, что обычная тренировка может произвести на неё такое впечатление. Может, всё ещё не настолько потеряно, и во вчерашнем вчереправды гораздо больше, чем галлюцинаций.

Я выдохнул.

Разговор. Мечты и фантазии всякие – это всё потом.

– Дже... – начал я, но она поморщилась. Ах да! И это тоже было галлюцинацией. Я от досады прикусил губу и отвёл взгляд в угол, где валялся неубранным мой спальник. – Лея Хольм, – произнеё я решительно и снова посмотрел на неё.

Она скривилась ещё сильнее:

– Уж лучше «Джелайна», – фыркнула она.

Я тоже сморщился. Скептически. А завтра она скажет, что ее опоили, окурили или просто задурили, и всё вернется, как было.

– Да ла-адно! Огнеплой два раза в один стог не попадает! – насмешливо протянула Лайна, прочитав мои мысли. – Я серьёзно. Уж лучше по имени, чем так.

– Как скажете, лея... – начал я по привычке, но всё же

передумал и тихо поправился: – Джелайна.

Как звучало её имя! Как сладко было его произносить просто так. Не шёпотом, забывшись в фантазиях. Не стоном в душе. А просто так. Обращаясь к ней.

– Ну? – вернула она меня к реальности. – Что вы хотели мне сказать?

– Я хотел спросить... – меня снова скрутило смущение, но я всё же сбирался с силами: – Джелайна, вы вчера вечером что-то встретили в лесу, или мне показалось?

Вот! У меня получилось! Безо всяких травок и вообще веников!

Преподавательница застыла лицом.

Я только успел подумать про стог, в который огнеплой действительно дважды не попадает (второй раз некуда уже попадать), но снизу раздался скрип половиц и бодрая дробь выпускаемых бабушкой газов. Мы синхронно фыркнули. Нехорошо, конечно, пожилой человек...

Тем временем дверца в комнату заскрипела, и снизу раздался не менее скрипучий голос бабы Тои:

– Чего, молодёжь, не спится?

– Непривычные мы долго спать, – подала голос Джелайна, свешиваясь в люк.

– А и то верно! – скрипуче согласилась баба Тоя. – Кей, ты печку обещал посмотреть. Дымит, зараза!

– Бабулечка, – умоляющим голосом продолжила преподавательница. – Это обязательно, но можно мы сначала по лесу

прогуляемся? Вы вчера столько про грибы-ягоды наговорили, у меня прямо руки чешутся.

– Заразу как-то мне привезли, чё ле? – подозрительно спросила баба Тоя. – Чего-то енто у тебя руки чешутся?

Джелайна поднялась от люка и одними губами, смеясь, проартикулировала: «Аллергия, наверное!» И ткнула взглядом в разбросанные травы.

Но вслух ответила, разумеется, другое:

– Что вы, что вы! Я здорова, как толстогузый жабоморд после сытного обеда. А печку Кейрат починит. Он и крыльцо поправит, как обещал. Вот вернётся из леса – и поправит сразу.

Тут она перевела насмешливый взгляд на меня.

– Конечно, бабуль! – снова пообещал я.

Чем сильнее выложусь, тем легче усну. Главное, «веник» попросить не забыть.

– Так чего ж тянуть? – заскрипела старушка. – В печке можно было бы кашу поставить томиться.

– А мы с утра не завтракаем! – с тонко-мстительными нотками ответила Джелайна. Бабулька, что недовольно бормоча под нос, хлопнула входной дверью. – Собирайтесь, Торнсен. Вас куда послали?

– В лес? – предположил я.

– На практику! Вас послали на практику по тварезнанию. Вот туда-то мы с вами и пойдём. С тварями знакомиться, – преувеличенно бодро завершила она. – Вы только хлеб с са-

лом взять не забудьте, – заговорщицким шёпотом добавила Джелайна.

Пока она копалась в своём рюкзаке, я незаметно коснулся лба двумя пальцами, отправляя благодарность Дайне. Всё-таки дело сдвинулось с мёртвой точки.

13. Лайна

В процессе внеучебной практики по тварезнанию. Шли к косорылу, но промахнулись

Торнсен собрался так быстро, что казалось, его саблерог под зад подпихивал. Я даже не успела придумать, что с собою взять, кроме счётчика и ножа, а он уже был готов на выход. Я добавила в его небольшой рюкзачок (не в тот, который он пёр от телепорта, а в уменьшенную версию) пару приборов и несколько контейнеров под экскременты. А что он такой счастливый? Непорядок. Он прогулы отрабатывает или в увеселительный тур собрался?

Сало, хлеб и сыр (последний меня так обрадовал, что я с трудом сдержала слюну) я на правах старшего, сильного и главного забрала к себе. Мы наполнили фляги водой, и в довершение сборов я приторочила к своему рюкзачку небольшой котелок.

– Вы ж с утра не завтракаете! – возмутилась старушенция, увидев его.

– Это с утра мы не завтракаем, – согласилась я с ней. – Не то что в обед. В обед позавтракать – милое дело.

И пока баба Тоя пыталась найти хоть какую-то логику в

сказанном, скрылась в лесу. Привычно бросила маячок на ближайшую сосну и зашагала вглубь. Торнсен не отставал, шёл легко и споро. Однако минут через десять в таком темпе окликнул:

– Куда мы несёмся, как потерпевшие от плащекрыла?

Я задумалась. И правда, куда? Повернулась к студенту.

– Судя по счётчику остаточной активности, здесь много тварей, – пояснила я. – Вчера я видела косорыла. То есть относительно недавние следы крупного косорыла.

– А теперь мы идём его искать? – ровно поинтересовался Торнсен.

И от него слабо пахло магией. Ни один мускул не дрогнул на его лице, но явно перестраивался в режим боевой готовности. Хороший мальчик. Надёжный. И мощный маг, что в нашей ситуации немаловажно.

...И красивый.

– Ну не то чтобы его, – протянула я, отводя взгляд от его рта. Да, крупноватого, но... – Я просто хочу оглядеться.

– Потому и несётесь? – насмешливо поинтересовался Торнсен.

– Нет, просто хочу отойти подальше от избушки.

– Бойтесь, что баба Тоя учует сало?

– Не нравится мне «баба Тоя», – буркнула я, но лицо Кейрата резко застыло, превращаясь в маску, и я поспешила пояснить: – Это очень странно: пожилая женщина, одна, без явных источников питания, оторванная от мира – и вокруг

множество тварей. Букетики эти странные...

Льдисто-синие глаза Торнсена начали оттаивать.

– Вы считаете, что твари – её рук дело? – спросил он нейтрально.

Но как-то свысока. Не в смысле роста, там и так всё ясно. А будто я была несмышлёным ребенком. А он – убелённым сединами стариком.

– А у вас есть другое объяснение? – вскинулась я. Может, слишком явно.

Он послушно умолк.

... Оставив послевкусие недосказанности. И чего было начинать, если не собираешься заканчивать?

Я мысленно выдохнула и отвернулась. У меня вообще другая цель. Вокруг шумел подозрительный, как старушка Тоя, лес. В котором где-то спрятались коварные твари. Ну а кто не спрятался – я не виновата, в общем-то. У меня для вас, коварные твари, есть вон какой огромный и сильный Торнсен.

Я быстро оглянулась. Да, огромный и сильный.

Счётчик сегодня тикал меньше. Или мы пошли не в ту сторону. Я направила прибор в сторону максимальной следовой активности и жестом показала следовать за мной. И не шуметь. Впрочем, для своих габаритов парень двигался практически бесшумно.

– О, смотрите, Торнсен, – я остановилась возле мощного дерева, у корней которого лежали ветки с подсохшими вет-

вьями. – Здесь была ночёвка саблехвостого выпеня. Он устраивает лежбище на земле. Обычно выбирает вывалень, но, видимо, не повезло, поблизости ничего подходящего не оказалось. Видите, он нервничал?

Я сдвинула ногой ветки, показывая характерные прерывистые следы когтей на земле и ветвях. И провела пальцем по повреждённому стволу. В нижней части дерева виднелись ровные порезы.

– Это он лежал и дёргал хвостом, – пояснила я. – Вы знаете, что выпень прекрасно лазает по деревьям?

Парень помотал головой.

– Я тоже не знала, – поделилась я. – Это обнаружилось в отчётах о практиках у вас в Академии.

– У нас в Академии, – поправил меня студент.

– Я так и сказала, – я сделала вид, что не заметила намёка.

Торнсен промолчал. Недовольно. Хе-хе. Мне почему-то нравилось его дразнить.

– А почему он не вернулся на предыдущую лёжку? – задал парень неожиданный вопрос. – Они же способны телепортироваться. Выкопал бы берлогу и мотался в неё каждую ночь.

– Умный вы какой, – буркнула я. – А он, наверное, неумный. Не додумался до такого гениального решения. Торнсен, достаньте из рюкзака контейнер и наберите пробу экскрементов.

– Чьих? – он задрал правую бровь, и у меня возникло желание врезать его по лбу. Встать на цыпочки и врезать.

– Выпenea, Торнсен. Выпenea.

– А где я их возьму?

– Где-то там, – я ткнула рукой за ствол. – Он всегда испражняется возле лежанки. Ну, давайте, давайте. Время идёт, уже и позавтракать пора.

Студент поперхнулся.

– Очень вовремя, – проворчал он и пошёл в указанном направлении, старательно хрустя подсохшими ломкими ветвями.

Из-за дерева слышалось недовольное бухтение и шуршание.

– Кейрат, вы там палочкой, что ли, воспользуйтесь, – крикнула я ему вслед.

– Что бы я делал без ваших советов! – он появился, разгибаясь из-под ветвей, с перекошенным лицом. – Вы специально придумали эту экзекуцию для нерадивых студентов, да?

– Вообще-то, нет, – ответила я. – В смысле, не я придумала. – Дождавшись, когда на лице Торнсена мелькнёт недовольство, я продолжила. – И не для того. Мы по-прежнему очень мало знаем о тварях. Вы заметили, что эти экскременты практически не пахнут?

– Не заметил. Я не дышал рядом.

– Напрасно. Они действительно практически не имеют запаха. А это говорит нам, что выпени практически не питаются животной пищей.

– Вы хотите сказать, что они травоядные? – на лице парня

промелькнуло удивление.

– Какая разница, чего я хочу? Да, они травоядные.

– А зачем им тогда?... – Торнсен потряс растопыренными пальцами у себя перед лицом, видимо, изображая клыкастую морду.

Я пожала плечами.

– Идемте, Торнсен. Вы же не хотите завтракать прямо здесь?

– Я уже вообще не хочу завтракать, – буркнул он.

Надо же, какие мы чувствительные! Ладно, мне больше достанется.

Разумеется, он соврал. Мужики всегда обещают: «Да чтобы я?! Да ни за что!» И что? Я еле успела спасти от рук Торнсена последний кусочек сыра!

По дороге я нарвала ароматных трав и веточек, Кейрат развёл небольшой костерок, и теперь у меня в руках была кружка с божественным отваром. Я привалилась спиной к гигантскому стволу, глядя на лучи солнца, просеивающиеся сквозь хвою, и в душе бурлили пузырьки счастья. Много ли нужно человеку? Хороший завтрак, целительный горный воздух, пропитанный запахом мхов и смолы, тишина... Хорошо!

– Что? – спросил Торнсен.

– Хорошо, говорю. А вы знаете, Торнсен...

– Кейрат.

– Хорошо, – мой взгляд зацепился за характерную проплешину среди веток. – Если знаете – то «Кейрат», если не знаете, то «Торнсен».

Вообще-то я хотела поделиться идиллией на душе, но если мы тут в игры решили поиграть...

– Так нечестно! – возмутился студент.

– Ха! Не в вашем положении торговаться, – напомнила я.

– Ладно, говорите, что там я должен знать, – обречённо согласился он, сыто откидываясь прямо на траву и закладывая руки под голову. Слабый ветерок ворошил его чуть золотистые пряди. Сбоку было особенно заметно, что Торнсен – не лей. Вот на профиль Сафониэля можно любоваться бесконечно. Это настоящее произведение природы! А у Торнсена нос был... крупный. И подбородок мощный, выдающийся. Упрямый подбородок. Неидеальные по отдельности черты при этом складывались в удивительно гармоничное и очень мужское лицо.

...Всё-таки когда он лежит, он не так подавляет, чем когда стоит. Хотя когда у него стоит, он и лежит как-то... подавляюще...

Это всё избыток магии! Нужно срочно помагичить. Забрести подальше и долбануть так... Чтобы разогнать всех тварей в округе. Но это очень далеко нужно зайти. А то кого я буду изучать?...

– ...Видите, во-он там, немного левее солнца, – вернулась я в реальность, – заломанные ветви. Кто это был: воплечуть

или косорыл?

Торнсен одним резким движением перетёк в сидячее положение, повернувшись ко мне спиной с мощными плечами. Косая сажень везде.

– Я бы, конечно, мог вспомнить, что вы вчера видели косорыла, и сказать, что это он, – начал студент, на секунду развернувшись ко мне корпусом.

– Но?...

– Не погоняйте, Джелайна, не запрягали, – рассмеялся он, и глубокие складки-ямочки прорезали его щёки. – Но я уверен, что это воплежуть.

– Даже уверены?

– Более того, это был напуганный воплежуть. Видите, «туннель» пробит горизонтально. Обычно воплежуть в лесу летает ниже, там где уже нет ветвей, одни голые стволы. А здесь он ломился через ветви, надеясь уйти от опасности. Причём серьёзной опасности, иначе бы он просто взмыл в небо.

– Хорошо, – кивнула я. – А почему не косорыл?

– А потому что косорыл в случае опасности зарывается в верхний слой почвы и прикрывается иллюзией. А просто так он по лесу не летает. Он взбирается по стволам вверх и обычно уже оттуда взмывает.

Сказать, что я была потрясена... В общем-то ничего не сказать.

– Вы сталкивались с ними на боевой практике?

– Если честно, нет. Дайна миловала. Но я читал вашу статью в «Вестнике тварезнания», – он развернулся ко мне. – Называлась она «Сравнительная этология тварей третьего класса опасности». Так что можете звать меня просто «Кей».

Блондин подмигнул, выдрал какую-то травинку, сунул её в рот и снова завалился на землю.

Это был шах и мат.

– Но там же нет картинок, – напомнила я, чтобы хоть чем-то заесть горечь поражения.

– Там и пяти страниц нет, – вернул мне Торнсен. Точнее, Кейрат. Нужно привыкать называть его «Кейрат». – Так что уснуть я тоже не успел. К тому же её написали вы, – он на секунду бросил на меня хитрый взгляд.

– Ну, не я, а Сафониэль лей Гроссо и я, – возразила я.

– Вот не надо, Джелайна. Его статьи я тоже читал, – саркастично заявил этот 3-3... знаток.

– Ещё скажите, что вы действительно сами сдали термаг на сто баллов.

Кейрат лишь улыбнулся. Так, как обычно улыбаются самоуверенные мужчины.

Но в следующую секунду он сел, а ещё секунду спустя стоял в середине полянки и оглядывался по сторонам. Я тоже заметила это. Лес вокруг в один момент стих. Исчезли звуки птиц, насекомых и даже шум ветвей. Как в нас вбивали все шесть лет университета, спустя пару ударов сердца я была спиной к спине с боевиком. Я скорее почувствовала, чем

увидела его удар. Два удара сердца на дубль – скорректированный парный удар, который должен нанести боевик, и я раскрыла шатром щит. Удар в контур я тоже ощутила, потому что не имела права оборачиваться. Моя обязанность – держать периметр в своих ста восьмидесяти градусах. Но это и не требовалось. Тварь почти черкнула щетинистым брюхом по щиту. Хвост, усеянный крупными, как кинжалы, колючками, метался из стороны в сторону.

А потом она развернулась.

Дайна, какая же она была страшная! Щёлки глаз полыхали синим огнём. Морду окаймляли острые гребни. Гребень из жёстких пластин торчал посередине груди.

– Лайна!

Я опустила контур, набирая полную грудь воздуха и считая удары сердца. Первый сгусток силы влетел твари прямо в морду, и её облик исказился сквозь файербол, как через плёнку мыльного пузыря. Это был мощный выброс. Очень мощный. Для третьего – вообще нереальный. Тварь дёрнула головой. Но даже не остановила полёт. Ту-тук. Тварь открыла пасть, намереваясь нанести ответный удар.

– Падай!

Я послушно упала, ощутив, как поднялись волоски на голове, когда над ней пронёсся четвёртый пылающий шар. Торнсен подхватил меня в полёте и ушел вбок перекатом, накрывая меня своим телом. Я сжала зубы, растягивая контур на горизонтальное тело Кея, скорее угадывая его грани-

цы, чем зная их. Щит содрогнулся, хотя ему досталось по касательной – основной удар пришёлся туда, где мы стояли минуту назад.

И на лес снова опустилась тишина.

На это раз – спасительная.

14. Лайна

В избушке, временно переименованной в «базу практики»

Я разжала зажмуренные, как оказалось, глаза, и обнаружила Торнсена над собой. Ничего неожиданного в этом не было. Я всем телом ощущала, что он... сверху. Но ощущения эти были... необычными. Незнакомыми. Неправильными. И расстояние до его губ было непозволительно близким для преподавателя и студента. Даже для пары «боевик – защитник» слишком. Конечно, после такого боя его вряд ли можно считать опасным.

Я поёрзала, пытаюсь выбраться из-под тяжёлого тела.

...Ан нет, хе-хе, можно считать опасным. И тут даже считать не нужно. Разве что про себя, чтобы успокоиться. Потому что когда тебе в причинное место упирается «косая сажень», а у тебя год не было мужика, это немного сбивает. С толку. Я чуть сдвинулась вперёд. Не в тот «перёд», который сейчас был сверху и откуда меня прижимал к земле студент, а тот, который вверх. Ну то есть я от него немного отползла. Сантиметра на три. Дышать сразу стало легче.

– Мне кажется, она уже улетела, – я попыталась произ-

нести это как можно уверенней, и даже посмотрела в глаза Торнсена. В чёрные с синим ободком глазищи.

От его взгляда волоски на шее поднялись, будто над ней стая файерболов пролетела. Нужно срочно посмотреть куда-то в другое место. Взгляд скользнул на его губы. Я сглотнула набежавшую слюну.

Где этот косорылов Сафониэль, когда он так нужен?!

Торнсен молчал.

Ну в этом как раз ничего необычного не было.

Я сообразила, что до сих пор держу щит. Контур сбросился с еле слышным хлопком, и мышцы, которые до этого момента, как выяснилось, были напряжены, как камень, резко расслабились.

– Кейра-ат, – позвала я. – Тварь улетела. Дайте мне встать.

Он перекатился с меня на бок, а потом, застонав, свернулся обнимая согнутые колени.

– Вы ранены?! – испугалась я.

– Нет, – он медленно поднимался. – Третий раз за день резерв качается. Извините.

Его лицо было словно каменной маской, и только в глубине глаз плескалась физическая боль.

– У вас иней на голове, – вдруг поняла я.

– Поседел в смысле? – невесело хмыкнул парень.

– Нет. В прямом смысле, – я потянулась, чтобы провести по белёсому налёту на его волосах, но неловко отдёргнула руку. Он мой студент, между прочим.

И отвела взгляд.

О, Дайна!

Вся поляна была покрыта инеем. Бахрома из тонких иголочек покрывала заледеневшие травинки, хвою деревьев и даже кору. И даже головешки, служившие топливом для нашего костерка. Нужно ли говорить, что огонь погас, будто его там никогда и не было?

Выглядело потрясающе красиво, волшебно, дико и пугающе одновременно. Локальная зима посреди бушующего лета.

Торнсен присвистнул. До него тоже дошло.

– Что это было?

Не уверена, спрашивал ли он моего экспертного мнения, или это был эвфемизм выражению: «Ох, ты ж кривовывернутый жабоморд мне в печень!» Ну или куда-то ещё. Не будем уточнять.

Я взяла себя в руки и ответила, как положено педагогу высшего магического учебного заведения:

– Я не поняла, кто это был.

А не «А косорыл его, мать его косорылиху за правую заднюю лапу, знает!», как очень хотелось.

– Да, он так стремительно напал, – согласился Торнсен.

– Нет, Кейрат, – обратилась я к нему по имени, раз уж продула. – Видите ли, я его разглядела, и спереди, и сзади. Проблема в том, что я никогда не слышала о такой твари. Не знаю, куда нас по случайности закинуло телепортом, но это место заслуживает стать местом Императорской экспе-

диции куда сильнее, чем Южные горы, – я обвела взглядом полянку. По краям уже началась капель. – Нам нужно найти возможность связаться с Сафониэлем, – и, наткнувшись на в секунду заледеневший взгляд, добавила: – Леем Гроссо. Думаю, первый день полевых исследований прошёл успешно, – бодро подвела я итоги. Все же живы? Значит, успешно. – Можно возвращаться на базу практики.

Возвращались мы молча.

Наверное, мы выглядели достаточно мрачно, чтобы старушка нас не трогала. Торнсен занялся обедом. Или печкой. Чем-то занялся, это главное. Меньше всего я сейчас хотела, чтобы меня отвлекали и дёргали. Я забралась на чердак, достала из рюкзака экспедиционный журнал, пока девственно-чистый, и подробно записала свои наблюдения. Эх, нужно было сразу начинать! Я с трудом вспомнила показания счётчика по дороге от телепорта к избушке. Написала приблизительно. И следы косорыла не замерила. И твариметрические данные с лёжки выпеня не сняла. Расслабилась! Обвиняла Торнсена в том, что он отнёсся к практике как к увеселительной прогулке, а сама?!

Рядом, успокаивающе урча, дрых Гррых. Когда он появился, я не заметила. Просто в какой-то момент осознала, что рядом с моим бедром урчит что-то мягкое. Лежит и урчит. Не прогонять же. Он так доверчиво ко мне прижался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.